

УДК

ПРОБЛЕМА ФЕНОМЕНА СТАЛИНИЗМА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*О.Р. Хасянов, доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Ульяновский ГАУ»*

Ключевые слова: сталинизм, тоталитарные практики, техники сопротивления, пассивное сопротивление, власть, общество, советская модернизация.

Сталинизм является одним из болезненных комплексов современного российского общества, объективный анализ которого затруднен глубиной травмирующего опыта нанесенного режимом социуму. Автором статьи предпринята попытка научного анализа литературы, посвященной механизмам функционирования сталинской тоталитарной модели. По мнению автора, только объективная реконструкция механизмов и методов властвования периода сталинизма позволяет понять узловые моменты советской истории, таких как, истоки и зарождение сталинского тоталитаризма, техник пассивного сопротивления, восприятия социальными субъектами карательно-репрессивных практик государства. На основе проведенного анализа, автор выделяет ряд особенностей понимания сталинизма в современном социально-гуманитарном познании. В частности, сталинизм понимается не только как тоталитарный режим, контролирующий все жизненные сферы социального субъекта, но и как ответ общества на эти практики выработкой различных стратегий неповиновения и адаптации. Порожденный сталинизмом общественный страх в итоге, по мнению автора, привел к формированию двойной линии морали и поведения: с одной стороны это проявлялось в соглашательстве и активном одобрении действий властей, а с другой – стремление обойти закон различными способами и реализовать сугубо личные жизненные стратегии.

Статья написана в рамках Гранта РФФИ и Правительства Ульяновской области (грант № 18-49-730008 p_a).

Одной из болевых точек современного российского общества остается проблема осознания и оценки советского прошлого, особенно периода функционирования сталинской тоталитарной системы. Даже по

прошестии более чем шести десятков лет со дня смерти Сталина, сконструированная им модель властвования остается одним из мест трудной памяти российского общества, нуждающегося в научном осмыслении. Вместе с тем, без научного анализа травмирующего опыта сталинизма и механизмов реализации сталинской модели государственного строительства, невозможно реконструировать объективную картину советского прошлого, практики властвования и тактики адаптации социальных субъектов к различным социально-политическим и культурным вызовам, а так же понять современные электоральные ожидания российского избирателя.

Вопрос понимания феномена сталинизма в современном гуманитарном познании является не только актуальной научной, но и общественной проблемой. Сталинизм представляет собой проблемный комплекс, изучение которого позволит пролить свет на узловые моменты советской истории, такие как специфика самой советской цивилизации, ее истоков, формирование советской идентичности и ментальности советского человека, взаимоотношения власти и общества, восприятия репрессивных государственных практик социальными субъектами и т.д. Необходимо отметить, что данные аспекты советской истории, возможно понять лишь в комплексном анализе механизмов и методов осуществления советской модернизации, являвшейся основой конструирования сталинской политической модели.

Модернизация понимается как движение общества от традиционности к современности. Характерными чертами современности являются развитие промышленности и научных технологий, рационального познания, рост уровня и продолжительности жизни населения, формирование глобальных рынков, дифференциация социальных ролей, рост социальной мобильности, изменение социально-классовой структуры общества, секуляризация сознания и утверждение светского государства, широкое внедрение образцов массовой культуры в пространство повседневной жизни, открытость власти и участие населения в формировании властных институтов и т.д. [19; с. 8]. Содержательная неопределенность понятия «модернизация», по мнению С. Каспэ, требует дополнительной фиксации смысловых рамок, в которых этот термин сохраняет принадлежность к научному дискурсу [10; с. 10]. Такие исследователи, как А. Абдель-Малек, Ш.Н. Айзенштадт, Р. Бендикс, Н. Глейзер, Г. Мюрдаль, А. Турен основным в процессе модернизации рассматривают социокультурный аспект, который характеризует взаимодействие модернизационных сдвигов с традиционными культурными и ментальными стереотипами, определяет ее ход и последствия. Современное общество, основанное на со-

вершенствовании науки и технологий, по мнению Э. Геллнера, способно обеспечить достойный жизненный уровень населения, а реставрация аграрного общества обрекает подавляющее большинство человечества на голодную смерть, в данном ключе модернизация выступает безусловным благом [4; с. 95]. На ошибочность представлений о модернизации как о нивелировании традиционных ценностей и поведенческих стереотипов по стандартам западноевропейской цивилизации указывает Р. Бендикс. Он полагает, что традиции продолжают определять ход развития индустриальных обществ [33; с. 313-344]. Таким образом, сталинская модернизация, ставившая перед собой задачу индустриального преобразования экономики, опиралась на традиционные властные механизмы и традиции взаимоотношения власти и общества.

Модернизация любых не западных обществ является вторичной и «догоняющей». Как отмечает Ф.Г. Федотова, именно осознание властными элитами своей отсталости, которая выявляется в сравнении с западным миром, вынуждает власти разрабатывать механизмы перехода к современности. На этом пути возникает угроза утраты традиционной национальной культуры, происходит усиление социального неравенства, распад устаревших механизмов поддержания социального порядка, при невозможности внедрения новых [26; с. 67-68]. Модернизация затрагивает не только сферу экономического производства и властные механизмы, но и «глубочайшие пласты человеческого бытия», подвергая эрозии традиционные ценности, моральные нормы, вопросы жизни, продолжения рода и т.д. [8; с. 9]. Таким образом, осуществляется демографическая модернизация в форме «демографического перехода» - высокая смертность и высокая рождаемость сменяются низкой смертностью и низкой рождаемостью. В Советской России демографическая модернизация – как и все другие виды отечественной модернизации – оказалась консервативной. Особенность ее выразилась в быстрых технических переменах за счет «консервирования многих основополагающих звеньев традиционалистского социального устройства» [8; с. 11]. Созданная в советское время экономическая и политическая система с ее консервативно-революционной стратегией развития определила ограниченный характер и незавершенность советской модернизации. Да и значительная часть общества была не готова к восприятию модернизационных перемен и внутренне сопротивлялась им [8; с. 79].

В современном гуманитарном знании сталинизм рассматривается не только как тоталитарный режим, базирующийся на репрессивно-карательных практиках, но и как ответ общества на государственное наси-

лие путем выработки социальными субъектами и группами различных тактик и техник пассивного сопротивления. Но рефлексия современного общества по проблеме сталинизма затруднена рядом обстоятельств. Так, в частности, А.Д. Гудков отмечает тенденцию тривиализации понимания советского прошлого в массовом сознании россиян. Следствием этого становится вытеснение на задний план «проблематики институционального насилия, к практике тотального контроля в «партии-государстве», идеологическому принуждению, политике искусственной бедности, террора и ... моральной деградации людей», к «пассивно-согласительному» отношению к прошлому [6; с. 7]. Героизация и мифологизация сталинской эпохи становится механизмом отделения от прошлого и его моральных оценок. В представлении обывателей, Сталин предстает творцом модернизации, обеспечившим превращение страны в мировую супердержаву. Проблема преодоления сталинизма российским обществом заключается не в отсутствии знаний о преступлениях Сталина, а в нежелании считать преступной советскую систему.

Сегодняшнее состояние исторической памяти о сталинизме, по мнению И.Л. Щербаковой, определяется культурной картиной «карты памяти» сталинизма, оформленной еще в 50-80-е гг. XX в. [32; с. 21-41]. Е.А. Осокина полагает, что в отечественной историографии сталинизм представляет морально-нравственную проблему, т.к. «еще свежи воспоминания о сталинской эпохе, слишком велика травма, нанесенная сталинизмом обществу», и поэтому оценка сталинского режима осуществляется инстинктивно и эмоционально, а не концептуально и научно обоснованно [Осокина 2010: 285].

Значимым в формировании мифа властвования периода сталинизма являлось изменение дискурса языка, когда описательное значение слова уступало место его эмоциональному содержанию. Частые повторы смыслов закреплялись в сознании обывателей помимо их воли, что в итоге привело к потере обществом своего «слова» [17; с. 166-175]. Как отмечает один из основоположников евразийского движения в эмиграции князь Николай Трубецкой, «люди, вынужденные долго молчать, в конце концов разучиваются говорить» [20; с. 4]. Так и стало с советским обществом, советские люди перестали открыто высказывать свои мысли, стремления и оценки. Справедливо подмечено Н.Н. Козловым, что роль советского государства заключается в конструировании принципов организации социальной реальности на основе речевых коннотаций, что и определило успешность советской тоталитарной модели [12; с. 27, 221-222].

Лояльное отношение большинства населения к официальной информации было вызвано не только активной пропагандой, но и происхо-

дядшими социально-культурными изменениями, которые были вызваны напряженностью жизни, бытовой неустроенностью и обострением социальных отношений [2; с. 175-183]. Массированная пропаганда привела к выработке населением собственной стратегии оценки информации - «читать между строк» и использовать слухи в качестве важнейшего средства распространения информации, надежд и страхов» [29; с. 57]. Само состояние информационного пространства СССР «создавало особые условия для активного формирования и распространения слухов в обществе».

Риторика сталинской пропаганды создавала разрывы в повседневности советского человека, когда лозунги «о величии советского человека» противостояли системе унижительных запретов и регламентаций, лишивших личность какого бы то ни было достоинства [19; с. 170-171]. А сама советская социальная инженерия была направлена на внедрение модели социальных отношений, основанных на приказах и системе неоплачиваемого труда, разбивающая все горизонтальные общественные связи между людьми и огосударствляющая человеческие контакты, направляя их в русло официальных властных институтов [7; с. 201].

Многие исследователи отмечают широкое использование советскими властями в сталинский период практики террора. Массовые репрессии и активная государственная пропаганда, отмечает С.А. Красильников, использовались властью как средство достижения поставленных целей посредством социальной мобилизации масс [15; с. 112-119]. Социальная мобилизация им понимается как целенаправленное воздействие институтов власти на массы посредством подавления или искажения свободных и рациональных предпочтений, мотиваций и действий отдельных индивидов и групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее поддержку и реализацию целей и задач, объявляемых властью приоритетными и признаваемые большинством общества [14; с. 151]. Политические институты использовали социальную мобилизацию как универсальное средство многоуровневого контроля и регулирования основ жизнедеятельности общества (социально-трудовые и производственные отношения, социально-бытовые и внутрисемейные связи) [14; с. 161]. Сталинский режим применял различные приемы социальной мобилизации, но наиболее действенными были идеолого-пропагандистские кампании. Эффективность последних во многом зависела от того, «насколько внедряемые в массовое сознание идеологические установки соответствовали характерным для той или иной социальной группы мировоззрению и социальным настроениям» [25; с. 212]. Иногда организаторам кампаний приходилась кор-

ректировать содержание и формы пропаганды, чтобы приблизить ее к особенностям групповой социальной психологии. Но, несмотря на это, пропаганда оставалась инструментом перевоспитания и частью миссии «по насаждению на территории Советского Союза стандартной советской монокультуры для всего населения» [24; с. 253].

Усиление репрессивных практик в предвоенные годы, по мнению М. Ферретти, было вызвано желанием государственных институтов сломить общественное сопротивление и обеспечить социальную стабильность [27; с. 120-141]. В этом ключе аграрная политика сталинизма в довоенный период представляет собой стремление власти разрушить и переделать социально-экономический строй деревни с целью распространения там государственного контроля [31; с. 210]. Как отмечает О. Хлевнюк, сталинский режим, опираясь на насильственные методы управления, криминализировал все сферы социально-экономической и политической жизни, заменяя насилием естественные стимулы развития [30]. После войны, по мнению Д. Ширера, происходит изменение тактики репрессивно-карательной функции государства. Оно карает не за социальное происхождение и политическую неблагонадежность, а за конкретные поступки, выходящие за рамки дозволенного советскими законами. В условиях восстановления экономики массовое принуждение использовалось властями для дисциплинирования советского общества [31; с. 215]. При этом, власть стремилась ликвидировать не определенные общественные настроения, а их носителей [20; с. 359]. Но реакция социальных масс на карательные действия властей выражалась в выработке целой «палитры» антагонистических жизненных стратегий – от равнодушия к официально одобряемой деятельности до настойчивого следования традиционному образу поведения (религиозные ритуалы) [25; с. 22]. Одна из особенностей сталинского общества, как отмечает Д. Фильцер, заключалась в «психологии обхода законов», что выражалось в формальном выполнении требований центра, а это в свою очередь являлось условием выживаемости и воспроизводства самой системы [28; с. 328-329].

Репрессии и произвол представителей власти являлись частью повседневной жизни целого поколения советских граждан, они были усвоены ими на уровне ценностей [3; с. 101]. Официальное одобрение властями доноительства, атмосферы недоверия, подозрительности, предательства и жестокости в обществе, по утверждению С.И. Быковой, служило средством оправдания всех аморальных поступков сталинского и постсталинского советского общества [2; с. 175-183]. В недрах коммунальной повседневности происходит рождение «адаптивной мо-

рали», которая не просто мирилась с властным насилием, а заранее его оправдывала [16; с. 229].

Таким образом, анализ современной научной литературы, посвященной исследованию феномена сталинизма, позволяет выявить не только характерные черты данного режима, но и его отражение в общественном сознании. Во-первых, сталинизм является морально-нравственным и болезненным пластом социальной памяти. Во-вторых, данная болезненность вызвана не только активным использованием механизмов тотального насилия властными институтами, но и активным участием населения в данных практиках. Это участие заключалось в молчаливом соглашательстве и/или активном доносителстве. В-третьих, соглашательство и доносителство, было вызвано страхом за свою жизнь и жизнь близких, карьеры и т.д. Страх, отсутствие конструктивных механизмов коммуникации общества с властными инстанциями, строгий контроль власти над информационными ресурсами, определили четвертую особенность, а именно: использование слух в качестве основного средства получения информации. В-пятых, сталинский режим активно использовал пропаганду для социальной мобилизации масс. Средства пропаганды в основном становились средством социального дисциплинирования. Официальная пропаганда проникала в язык, и тем самым способствовала конструированию советской идентичности. В-шестых, использование насильственных практик и повседневное оправдание их обществом породило двойную линию морали и поведения. Не закон определял поведение советских граждан, а техники пассивного сопротивления, которые выходили за рамки морали.

Библиографический список:

1. Буббайер, Ф. 2010. Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М.: РОССПЭН. 367 с.
2. Быкова, С.И. 2013. Игра в патриотизм как один из методов формирования «врагов народа» // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН С. 175-183.
3. Верт, Н. 2011. Сталинизм и массовые репрессии. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН. С. 93-102.
4. Геллнер, Э. 1991. Нации и национализм. М.: Прогресс. 126 с.
5. Голдман, В.З. 2010. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М.: РОССПЭН. 396 с.
6. Гудков, Л.Д. 2013. Амнезия или стерилизация большого прошлого? Образ сталинизма в общественном сознании // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 6-20.
7. Дамье, В.В. 2013. Стальной век: Социальная история советского общества. М.: Либриком. 256 с.

8. Демографическая модернизация России, 1900-2000. / Под редакцией А.Г. Вишневого. М. 2006: Новое издательство. 608 с.
9. Дюран, Д. 2010. Коммунизм своими руками. Образ аграрных коммун в Советской России. СПб.: Издательство Европейского университета. 246 с.
10. Каспэ, С.И. 2001. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН. 256 с.
11. Кип Дж., Литвин А. 2008. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М.: РОССПЭН. 328 с.
12. Козлова, Н.Н. 2005. Советские люди. Сцены из жизни. М.: Европа. 527 с.
13. Королев, С.А. 1996. Донос в России: Социально-философские очерки / Составитель и науч. редактор Е.Я. Виттенберг. М.: Прогресс-Мультимедиа. 240 с.
14. Красильников, С.А. 2013. 1930-й год как пролог большого террора // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 112-119.
15. Красильников, С.А. 2011. Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, формы, функции // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН. С. 150-161.
16. Круглова, Т.А. 2013. Антропологические трансформации и художественные репрезентации жизни в терроре: страх и энтузиазм как мотивы соцреализма // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 226-237.
17. Лассан, Э.Р. 2013. Дискурс большого террора: риторические средства и «лингвистический терроризм». История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 166-175.
18. Лебина, Н.Б. 2015. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение. 483 с.
19. Лейбович, О.Л. 1996. Модернизация в России (к методологии изучения современной отечественной истории). Пермь. 156 с.
20. Люкс, Л. 2009. История России и Советского союза: от Ленина до Ельцина. М.: РОССПЭН. 527 с.
21. Нерар, Ф.-К. 2011. Пять процентов правды. Разоблачение и доноительство в сталинском СССР. 1928-1941 гг. М.: РОССПЭН. 398 с.
22. Осокина, Е.А. 1999. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок снабжения населения в годы индустриализации. 1927-1941. М.: РОССПЭН. 271 с.
23. Осокина, Е.А. 2010. О социальном иммунитете, или Критический взгляд на концепцию пассивного (повседневного) сопротивления // Социальная история. Ежегодник. С. 280-297.
24. Рольф, М. 2009. Массовые советские праздники. М.: РОССПЭН. 439 с.
25. Ушакова, С.Н. 2013. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М.: РОССПЭН. 216 с.
26. Федотова, В.Г. 1995. Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. М.: Апрель-85. С. 66-67.
27. Ферретти, М. 2013. Генезис сталинизма: авторитарная модернизация, социальное сопротивление и репрессии // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 121-140.
28. Фильцер, Д. 2011. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой во-

- йны. М.: РОССПЭН. 360 с.
29. Фицпатрик, Ш. 2011. Еще раз о повседневном сталинизме: Советская Россия в 1930-1950-е гг. // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.: РОССПЭН. С. 51-62.
 30. Хлевнюк, О.В. 2011. Сталин у власти. Приоритеты и результаты политики диктатуры // История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Москва, 5-7 декабря 2008 г. М.:РОССПЭН. С. 62-75.
 31. Ширер, Д. 2013. Государственное насилие, репрессия и вопрос социальной инженерии в советском союзе в 1920-1950 гг. // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 208-218.
 32. Щербакова, И.Л. 2013. Память о сталинизме в культуре // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М.: РОССПЭН. С. 21-41.
 33. Bendix, R. 1967. Tradition and modernity Reconsidered // Comparative Studies in Society and History. № 3. – The Hague, P. 313-344.

THE PROBLEM OF THE STALINISM PHENOMENON WITHIN MODERN SOCIO-POLITICAL DISCUSSION

Khasyanov O.R.

Key words: *Stalinism, totalitarian practices, resistance techniques, passive resistance, authorities, society, soviet modernization.*

Stalinism is one of the most painful sores of the modern Russian society. It is difficult to objectively analyze the problem of Stalinism due to the intensity of the traumatic experience suffered by the society on account of the regime. The author has made an attempt to scientifically analyze the literature devoted to the mechanisms of the Stalin totalitarian model functioning. According to the author, only the objective reconstruction of the mechanisms and methods of governing makes it possible to understand the key points of the Soviet history, including the origins of Stalin totalitarian system, passive resistance techniques, and the ways the members of the society interpreted the punitive and repressive actions of the government. On the basis of the performed analysis the author singles out a number of characteristic ways of interpreting Stalinism in the present-day socio-humanitarian perception. For instance, Stalinism is not only understood as a totalitarian regime supervising the whole life-wide scope of a member of the society, but also as a response of the society to the actions of the authorities manifested by people's elaborating various strategies of disobedience and conformation. The public fear generated by the Stalin regime lead, as a result, to formation of a double line of morals and behavior: on the one part indulgence and active approval of the government actions were observed, while on the other part people showed a tendency of trying to avoid the law in any possible way and implement their personal life strategies.